

Княгиня Ольга
и византийский
император
(эволюция
сюжета в русской
исторической
традиции XVI века)

Princess Olga and
the Byzantine
Emperor: Evolution
of the Storyline in
Russian Historical
Tradition of the
Sixteenth Century

Борис Николаевич Флоря

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Boris N. Florya

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье показано изменение традиционного рассказа о событиях X в. под влиянием новых представлений о роли Руси–России в мировой истории.

Ключевые слова

княгиня Ольга, византийский император, Византия и Русь в мировой истории

Abstract

The article explores the evolution of the traditional account about the 10th – century events under the influence of new ideas about the role of Rus'/Russia in the world history.

Keywords

Princess Olga, the Byzantine emperor, Byzantium and Rus' in world history

Цитирование: Флоря Б. Н. Княгиня Ольга и византийский император (эволюция сюжета в русской исторической традиции XVI века // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 487–493.

Citation: Florya B. N. (2018) Princess Olga and the Byzantine Emperor: Evolution of the Storyline in Russian Historical Tradition of the Sixteenth Century. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 487–493.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.19

Первичная версия сюжета об Ольге и византийском императоре читается без существенных изменений и в Новгородской Первой летописи младшего извода, где отразился, по наблюдениям А. А. Шахматова, текст более древний, чем «Повесть временных лет», и в текстах разных редакций «Повести временных лет» [НПЛ: 113–115; ПСРЛ 1/1 (1926): 61–63; ПСРЛ 2 (1908): 49–51].

В повествовании о поездке Ольги в Константинополь и последующих событиях три фрагмента касаются взаимоотношений Ольги и императора. В первом говорится, что, восхищенный Ольгой, император произносит слова: «[П]одобна еси царствовати с нами в граде сем»¹. Угадав его намерения, Ольга заявила: «[А]ще мя хоцещи крестити, то крести мя сам» [НПЛ: 113]. В дальнейшем император и выступает в роли ее крестного отца.

Во втором фрагменте рассказывается, что, когда после крещения император захотел на ней жениться, Ольга ответила, что он не может жениться на своей крестной дочери: «И рече царь: переключкала мя еси Ольга» [ПСРЛ 1/1 (1926): 61; ср.: НПЛ: 114]. В этом явно фольклорного происхождения рассказе отмечается определенное превосходство новообращенной христианки над императором.

Другая интонация характерна для третьего фрагмента повествования, в котором говорится о приходе в Киев к Ольге византийских послов, напомнивших о ее обещании (о котором в основном повествовании не говорилось) прислать в Константинополь «челядь, воск и съкору [т. е. меха. — Б. Ф.] и вои в помощь» [ПСРЛ 1/1 (1926): 62–63]. Ольга ответила, что так и поступит, если «постоиши у мене в Почаине, яко же аз в Сюду» [Ibid.: 63]. Слова эти находятся в определенном противоречии с рассказом о пребывании Ольги в Константинополе и, вероятно, восходят к другой фольклорной традиции.

Важно отметить, что в памятниках, представляющих разные ветви древнерусского летописания, император, встречавшийся с Ольгой, носит разные имена. Вероятно, в первоначальном тексте имя императора отсутствовало, и составители летописных сводов устанавливали его самостоятельно. Если в Ипатьевской и Радзивилловской летописях это «Костянтин сын Леонтов» [ПСРЛ 2 (1908): 49; ПСРЛ 38: 31] (современник Ольги), то в таких памятниках, как Лаврентьевская и Новгородская Первая летопись, которые оказали решающее влияние на формирование великорусской исторической традиции, Ольгу принимает в Константинополе один из преемников Константина — император Иоанн Цимисхий. Однако при различии имен в разных летописях читается один и тот же текст. Такая устойчивая на великорусской территории традиция

¹ Здесь и далее цитаты из источников приводятся в упрощенной орфографии.

могла быть связана с тем, что у составителей летописных сводов не было каких-либо представлений о Цимисхии: известно было только, что он воевал со Святославом.

Положение стало меняться в XVI в.² Перемены, как представляется, были связаны с включением сведений по византийской истории в древнерусские летописные своды. Правда, о самом крещении Ольги в таких источниках почти ничего не говорилось. Так, в Хронографе русской редакции просто кратко отмечалось: «[П]ри сем цари Романе в лето 6463 крестися Олга» [ПСРЛ 22/1: 359]. Однако имело значение включение в текст летописи информации о Цимисхии, который уже традиционно считался императором, встречавшим Ольгу. Такие сведения были внесены, в частности, в Никоновскую летопись (свод, созданный на рубеже 20–30-х гг. XVI в. под патронатом московского митрополита Даниила): это два рассказа о Цимисхии, взятые из Хронографа, которые отражали сложное отношение к нему в византийской традиции. В одном из рассказов с осуждением говорится о том, что Цимисхий убил своего предшественника Никифора Фоку (покровителя Афона и святого на троне), чтобы жениться на его вдове. Но в том же тексте говорится о его выдающихся качествах правителя. Их описанию посвящен другой рассказ, в котором император сравнивается с раем, откуда вытекают четыре реки, «источая правду, мужество, мудрость, целомудрие» [Ibid.: 363].

В Никоновской летописи эти рассказы соединены с летописным текстом механически, и текст о путешествии Ольги в Константинополь здесь каким-либо изменениям не подвергался [ПСРЛ 9: 31–36]. Однако само это соединение создавало возможности для сопоставления рассказов, что и произошло в более позднее время при составлении пространной редакции Жития Ольги. Текст этой редакции сохранился в ряде списков, в одном из которых читалась приписка: «Списано любомудрецом Сильвестром, презвитером царствующаго града Москвы». Она способствовала утверждению представлений о том, что создание памятника связано с именем протопопы Сильвестра, наставника Ивана IV Грозного [Сиренов 2007: 389–390; Курукин 2015: 89 и сл.]. В настоящее время эта точка зрения вызывает возражения [Усачев 2009: 451–459]. Однако важно — независимо от решения вопроса об авторстве, — что это житие Ольги стало начальной частью «Степенной книги» — официального изложения русской истории, созданного в окружении митрополита Макария на рубеже 50–60-х гг. XVI в.

² Хотя даже в XVII в. продолжали создаваться памятники, передававшие летописную традицию рассказа об Ольге: напр., псковская редакция Жития Ольги, явившаяся одним из источников рассказа о ней в Степенной книге [Карпов 2003: 85], и Воскресенская летопись [ПСРЛ 7: 285–286].

Сопоставление текстов показало, что при включении в «Степенную книгу» рассказ жития Ольги об ее отношениях с византийским императором не подвергся каким-либо переделкам: очевидно, его содержание вполне устроило составителей [Курукин 2015: 92, 95].

Главным источником «Степенной книги» явилась Никоновская летопись [Степенная книга 3: 13–14, 17], но, как справедливо отметил исследователь источников «Степенной книги» Н. Ф. Околович, житийное повествование о путешествии Ольги в Царьград заметно отличается от традиционного летописного рассказа [Околович 2007: 29–30]. Описанию путешествия в Житии Ольги предшествует рассказ, как «плотского ради свирепства» Цимисхий и Феофано, жена Никифора Фоки, убили императора Никифора Фоку, покровителя Афона, который погиб, «молитву имея в устех и с мученики причте его Бог» [Степенная книга 1: 159].

Связь этого текста с последующим проявляется в том, что «плотским свирепством» Цимисхий руководствуется и при встрече с Ольгой: «Бе бо и сам Цимисхий телесным подобием вели добродоен и надеяшася уллучати» новую спутницу жизни. Но дело не ограничивается грешным желанием Цимисхия. В тексте жития император выступает как орудие дьявола, который хочет отклонить Ольгу от возложенной на нее Богом миссии — приобщить Русь к христианской религии: дьявол «възсвиста женолюбова царя усты» [Степенная книга 1: 160; Околович 2007: 31].

Далее сюжет излагается в традиционном ключе: Ольга хочет, чтобы император был ее крестным отцом, что и происходит, но затем, когда он выступает со своим предложением о браке, рассказ снова отклоняется от традиционного сюжета. Эта часть начинается гневным обличением императора, где упоминается «немилостивное погубление [...] святаго царя Никифора», когда Цимисхий «законопреступно примесился» к его жене: «Оле ненасытства женолюбиа! Оле уменьшения неподобнаго! Оле сквернаго рачения!» [Степенная книга 1: 163]. Так рассказчик создает отрицательный образ носителя верховной власти в Византии, используя при этом самые резкие выражения.

Далее говорится о том, что Ольга «неподобное его начинание с дерзновением обличи». Приводятся слова Ольги, что она пришла в Царьград, чтобы «унивестихся желаемому ми бесмертному жениху Христу Богу» [Степенная книга 1: 163]. При этом княгиня находит нужным сказать, что ее «земное царство» — «Русская великая земля», где правит вместе с нею ее сын, «дани и выхода объемля на многих странах и на вашем царствии» [Ibid.: 164]. Так провозглашается равноправное положение «Русской земли» и Византии, которая платит «Русской земле» дани.

«Почто ми, — говорит далее княгиня, — и на стези спасения преткнове-ние и сеть души протязаеши? Сиа ли суть образы правовериа?» Таким образом, Ольга не только отвергает предложение императора, но и прямо обличает его. «Царь же, от своая совести обличаем [...] о непотребстве глагол своих в раскаяние обратися» [Ibid.], т. е. сам монарх признал неприличие своего поведения. Все изложение дает яркую демонстрацию нравственного и интеллектуального превосходства Ольги над Цимисхием.

Та же интонация сохраняется в заключительной части повествования. Здесь — в соответствии с традиционным сюжетом — рассказывается о приезде в Киев императорских послов с просьбой о помощи в соответствии с обещаниями, которые дала Ольга в Константинополе. Однако ответ, который дает послам Ольга, совсем не соответствует традиционной версии. О каком-либо недовольстве княгини приемом, оказанным ей в Константинополе, нет и речи. Княгиня перед послами снова обличает императора, который «коварьствова старости моея», но «благодатию же Христовою от моих недостойных устен коварьство твое упразднися». Из-за такого поведения «ничто же приати имаше от нас» [Степенная книга 1: 168]. В традиционной версии дело заканчивалось отказом в помощи. В «Степенной книге» финал другой. Через послов Ольга предлагает императору «уцеломудрити свою съвесть и очистити ся прежняго скверноубииства», затем он сможет посетить Ольгу «своиством духовныя любви» — и тогда она не откажет ему в помощи [Ibid: 169]. Здесь сама недавно принявшая христианство киевская княгиня наставляет светского главу христианского мира, как он должен себя вести, — и обещает свою помощь в случае его исправления.

Уже в летописном рассказе чувствуется ощущение некоторого превосходства княгини над императором, но в тексте рассказов «Степенной книги» это противопоставление усилено по разным направлениям, во многом благодаря обращению к византийской исторической традиции.

Достаточно серьезная переработка традиционного летописного сюжета была связана, как представляется, с обсуждением в среде древнерусских книжников вопроса о том, когда определилась особая роль России в мировой истории.

Согласно схеме, изложенной в посланиях псковского старца Филофея, эта особая роль России установилась, когда Византия («второй Рим») отступила от православной веры на Флорентийском соборе, Константинополь был взят османами и Россия стала «третьим Римом» [Синицына 1998: 342, 345]. Однако уже в то время, когда Филофей писал свои послания, существовали точки зрения, относившие зарождение особой роли России в христианском мире к гораздо более раннему времени.

В «Сказаниях о князьях владимирских» автор, рассказывая о присылке Владимиру Мономаху царских регалий из Византии, вложил в уста приславшего регалии императора слова о том, что это «твоего родства и поколенья царский жребий» и что теперь «церкви божья безмятежна будет, и все православие в покои пребудет под сущю властью твоего волнаго самодержавства Великия Руси» [Дмитриева 1955: 177]. Таким образом, по утверждению автора «Сказания», уже в начале XII в. порядок в православном мире поддерживался благодаря совместным действиям византийского императора и правителя Руси Владимира Мономаха. Пересказывая этот сюжет, составители «Степенной книги» отметили, что так поступил Бог, «претворяще и преводяще славу Греческаго царствия на росииского царя» [Степенная книга 1: 409]. И по мнению этих книжников, уже в начале XII в. намечился поворот в мировой истории.

Помещенный в «Степенной книге» рассказ об Ольге и императоре Иоанне Цимисхии должен был подготовить читателя к восприятию этих новых для русского общества XVI в. представлений, показав, что особая роль России, ее превосходство над клонящимся к упадку Греческим царством стало намечаться уже в момент принятия Россией новой христианской религии, когда ее правительница Ольга оказалась под особой опекой христианского Бога.

Библиография

Источники

НПЛ

Насонов А. Н., ред. и предисл., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

Степенная книга 1, 3

Ленхофф Г. Д., сост., *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам*, 1–3, Москва, 2007–2012.

Литература

Дмитриева 1955

Дмитриева Р. П., *Сказание о князьях владимирских*, Москва, Ленинград, 1955.

Карпов 2003

Карпов А. Ю., «Житие Ольги в редакции московского книжника Василия (во иночестве Варлаама)», in: *Очерки феодальной России*, 7, Москва, 2003, 84–88.

Курукин 2015

Курукин И. В., *Жизнь и труды Сильвестра – наставника царя Ивана Грозного*, Москва, 2015.

Околович 2007

Околович Н. Ф., *Жития святых, помещенные в Степенной книге*, Москва, С.-Петербург, 2007.

Синицына 1998

Синицына Н. В., *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, Москва, 1998.

Сиренов 2007

Сиренов А. В., *Степенная книга: история текста*, Москва, 2007.

Усачев 2009

Усачев А. С., *Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария*, Москва, С.-Петербург, 2009.

References

Dmitrieva R. P., *Skazanie o kniaz'iax vladimir-skikh*, Moscow, Leningrad, 1955.

Карпов А. Ю., "Zhitie Ol'gi v redaktsii moskovskogo knizhnika Vasiliia (vo inochestve Varlaama)", in: *Ocherki feodal'noi Rossii*, 7, Moscow, 2003, 84–88.

Kurukin I. V., *Zhizn' i trudy Sil'vestra – nastavnika tsaria Ivana Groznogo*, Moscow, 2015.

Lenhoff G. D., ed., *Stepennaia kniga tsarskogo rodoslov'ia po drevneishim spiskam*, 1–3, Moscow, 2007–2012.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov*, Moscow–Leningrad, 1950.

Okolovich N. F., *Zhitiia sviatykh, pomeshchennye v Stepennoi knige*, Moscow, St. Petersburg, 2007.

Sinitsyna N. V., *Tretii Rim. Istoki i evolutsiia rus-skoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)*, Moscow, 1998.

Sirenov A. V., *Stepennaia kniga: istoriia teksta*, Moscow, 2007.

Usachev A. S., *Stepennaia kniga i drevnerusskaia knizhnost' vremeni mitropolita Makarii*, Moscow, St. Petersburg, 2009.

член-корр. РАН **Борис Николаевич Флорья**, доктор ист. наук

Институт славяноведения РАН,

заведующий Отделом истории средних веков

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Россия/Russia

inslav@inslav.ru

Received February 7, 2018